

своего времени их культуры в известной мере были итогами общеевропейского развития. Опередившая другие славянские страны Болгария сделала великое дело, присоединив и себя, и литературы других славянских стран к общеевропейскому развитию и вместе с тем создав общий литературный язык для всех православных славянских стран, а частично и для неславянских (Молдавия, Валахия и др.).

Великим счастьем для славян было то, что сама византийская литература не была узконациональной, а в значительной мере многонациональной. На основе многовекового общеевропейского опыта можно было в дальнейшем глубже отразить национальные интересы и создать литературу высоких национальных форм. Общеславянская межнациональная литература-посредница, сама явившаяся в результате выделения из отдельных национальных литератур некоей их общей части, была хорошей почвой для образования в дальнейшем высоких национальных литератур.

Общеевропейские черты в древнеславянской литературе-посреднице

В самом деле, Византия и византийская культура отличались многонациональным характером. Византийская культура создавалась во всех средиземноморских и черноморских районах, от Кавказа на Востоке и до Сицилии и Венеции на Западе. Она не была национально единой и национально ограниченной. Древнеболгарская культура X в., положившая начало собственно болгарской, также не была узконациональной. Проповедь Кирилла и Мефодия была обращена ко всему славянству, она не ограничивалась непосредственными нуждами болгар и моравов, не замыкалась в национальных интересах. Широкий взгляд на судьбы человечества характеризует всех первых южнославянских писателей.

Древнеболгарская литература с самого своего возникновения ответила не только национальным, но и общечеловеческим потребностям. Древнеболгарская литература не замкнулась в темах, связанных только с местным, болгарским укладом жизни, с местными политическими волнениями своей эпохи, а с первых же своих шагов стала литературой, решающей — наряду с чисто болгарскими — основные, общие вопросы человеческой жизни и мировоззрения, и тем приобщила болгарский народ к общеевропейской культуре. Древнеболгарская литература сразу же стала литературой зрелой, «взрослой», философски глубокой и сложной, учитывающей многовековой опыт многонациональной византийской литературы, в создании которой в свое время сыграли заметную роль и сами славяне.

В этом сочетании собственных, болгарских, и общечеловеческих тем национальное своеобразие древнеболгарской литературы, своеобразие огромной значимости ее для всех славянских наро-

дов. Поражающая особенность древнеболгарских писателей — их озабоченность общечеловеческими проблемами. Болгарские писатели обращаются не только к болгарским читателям, а ко всем людям и ко всем народам. И при этом их не покидает уверенность, что они пишут на языке, понятном для всех славян.

Болгарские коллизии и проблемы становятся в древнеболгарской литературе проблемами и коллизиями всемирно-исторического значения. Болгария для древнеболгарского автора — прежде всего часть мира, большого и значительного. Ее интересы не заслоняют собой всего остального мира, а, напротив, представляют и представляют весь этот мир. Отсюда общечеловеческая значительность содержания древнеболгарской литературы, посвященной основным вопросам мировоззрения, устройству мира, ходу мировой истории, основным заповедям и положениям христианства, его догматам, его установлениям и рассматривающей болгарские нужды, потребности, события в свете этих больших, общечеловеческих тем.

Древнеболгарские литературные памятники говорят о деятелях Болгарии как о деятелях всего славянства и о просвещении славян как о факте распространения христианства на весь мир. Болгарское самосознание, необыкновенно интенсивное для народа, только что выступившего на мировую арену, не отделяло Болгарию от всей вселенной, не замыкало болгарский народ в его узконациональных политических и культурных интересах, а было преисполнено живой уверенности в общемировом значении Болгарии. Болгария, с точки зрения древнеболгарских писателей, — важнейший этап в распространении христианства на весь мир. Мы так привыкли к этой удивительной черте древнеболгарской литературы, что перестали ее замечать и придавать ей значение.

Между тем именно эта черта характерна не только для памятников письменности, но и для всей деятельности Кирилла и Мефодия. Она отразилась в «Прогласе», «Пространном житии Кирилла» и в «Пространном житии Мефодия», в кратком житии Кирилла, в житиях Наума, в сочинениях Климента Охридского, Константина Преславского — в его «Учительном Евангелии» и «Азбучной молитве». Эта же черта характерна для сочинения Черноризца Храбра о письменах.

Личность Кирилла-Константина и личность Мефодия как нельзя лучше соответствовали не только их исторической миссии, но миссии всей древнеболгарской культуры.

К своей общеславянской и, больше того, общеевропейской деятельности Кирилл-Константин был хорошо подготовлен тем, что, помимо болгарского и греческого, знал латинский, еврейский и арабский языки. По-видимому, в начале 50-х годов IX в. он ездил с религиозной миссией в Болгарию, был в Сирии, путешествовал к хазарам, был в Крыму — в Херсонесе. Он не был исключительно болгарским деятелем — он проповедовал и в Моравии, и в Паннонии.

Распространение христианства Кириллом-Константином и Мефодием и их учениками не было омрачено попытками установить чье бы то ни было политическое господство. Их проповедь была апостольской. Она была связана с переездами из страны в страну. Литературный язык их сочинений, ставший затем церковным и литературным языком южных и восточных славян, а также румын, присоединял к своей болгарской основе отдельные местные черты и латинизмы.

Широта и открытый характер древнеболгарской культуры способствовали ее восприятию в других славянских странах. Древнеболгарская культура легла в основу культур других православных славянских и некоторых неславянских стран. И в этом ее огромное общеславянское и общеевропейское значение.

Роль древнеболгарского духовенства может быть сравнена с ролью ирландских монахов незадолго до этого. Культурный уровень ирландской церкви с конца IV и по VIII в. был наивысшим в Европе после Византии. Ирландские монахи добирались до Исландии и переходили на европейский континент, устанавливали связи даже с Египтом, разнося христианство, основывая монастырские культурные центры. Они в значительной мере создали знаменитый «Каролингский ренессанс». Но отличие ирландских монахов от древнеболгарского духовенства в том, что ирландцы были сосредоточенными энтузиастами отречения от мира. Древнеболгарское же духовенство было гораздо более «светским» и широким по своему духу.

Появление литературы такого высокого уровня, как литература древнеболгарская, кажется почти чудом. Поражает быстрота ее формирования и глубина ее общечеловеческого содержания, сложность выражаемых ею идей.

Чудо объясняется, однако, не только гениальностью Кирилла и Мефодия, которым удалось создать азбуку, орфографию и на основе болгарского — великолепный тонкий литературный язык, способный выражать самые сложные отвлеченные идеи. Чудо объясняется прежде всего тем, что болгарский народ оказался способен все это воспринять. А способность к восприятию воспиталась в болгарском народе потому, что Болгария издавна была территорией великих культур и соседствовала с самыми просвещенными народами тогдашней Европы.

Болгарская литература восприняла многонациональные культурные традиции Византии. Вместе с тем сама почва Болгарии была напоена культурными соками античной Греции и Рима, фракийских племен, а также отдельных племен Азии и Европы. В Болгарии скрещивались пути военных походов и широкие дороги переселения народов. Болгария была страной, которая уже в силу одного своего географического и этнографического положения не могла иметь резко обозначенных и непреодолимых национальных границ.

Древнеболгарская литература служила посредником, через которую все другие южно- и восточнославянские литературы знако-

мились с литературными произведениями Византии. Ведь не только их собственные переводы на русский, сербский языки, но и переводы на древнеболгарский язык с греческого распространяли произведения византийской литературы, которая в свою очередь очень часто служила посредницей своими переводами с арамейского, сирийского и т. д.

Создав литературу, общую для всех стран православного славянства, Болгария способствовала общению между собой всех православных славянских стран. Это было бы невозможно без общего литературно-церковного языка, болгарского в своей основе. Сколько бы ни возражали, приводя отдельные факты непонимания писцами языка других славянских стран, нельзя отрицать того простого факта, что язык «высокой», церковной литературы, древнеболгарский по своему происхождению, был в целом понятен во всех странах православного славянства. Если не понимался язык другой восточно- и южнославянской страны, то только в том случае, когда он был сильно осложнен местными чертами, был языком местным, близким к разговорному, а не литературным, или когда он сильно отступал от литературных форм, и то в сравнительно позднее время.

Древнеболгарская литература, возникшая на век раньше других, легла в основу некоей общей для всех южных и восточных славянских народов литературы. Образовались своеобразная литература-посредница и язык-посредник. Посредник не между Византией и славянством, а между всеми православными славянскими народами. Славянские народы, на Юге и Востоке в первую очередь, нашли между собой общий язык и совместно стали трудиться над продолжением и развитием общей литературы. Роль Болгарии отнюдь не сводилась только к роли «первоначального толчка» в развитии культуры-посредницы. Ее творческое участие в развитии культуры-посредницы было всегда очень активным, постоянным, а порой вновь и вновь основополагающим.

Действительно, до самого XVIII в. у народов православного славянства существовали, как мы уже говорили, обширная общая литература и общий литературно-церковный язык¹. Язык развивал свои местные, национальные модификации, но вместе с тем он все время как бы обращался вспять — к своим традиционным древнеболгарским формам и лексическому составу. Навстречу местным формам в литературно-церковном языке славянства шли возрождающиеся архаические формы, иногда мнимоархаические, но все же закреплявшие старое, традиционное. Благодаря этой «оглядке» и постоянному обмену памятниками, рукописями славянские народы сохраняли высокосовершенную традиционную систему общения между собой на самом высоком интеллектуальном

¹ См.: Толстой Н. И. Взаимоотношения локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI—XVII вв.) // V Международный съезд славистов (София, сентябрь, 1963).

уровне. Также и литература-посредница имела в своем составе не десятки, а сотни общих для всех южных и восточных славян памятников, памятников, освященных традицией и авторитетом.

Важно отметить, что из Византии родственные наднациональные тенденции передались и в древнерусскую литературу. Последняя также способна была осознавать интересы человечества и всего христианства, восприняла этот же болгарский и византийский дух. Правда, эта тенденция в древнерусской литературе была затупевана рядом других не менее важных черт. Древнерусская литература при всем ее несравненном богатстве не выполнила и не должна была выполнить той же исторической миссии, которую с таким успехом осуществила древнеболгарская литература — и в отношении своей страны, и в отношении всего славянства. Однако в русской литературе ее «общеευропейскость» и общечеловечность в силу ряда благоприятных исторических причин дожили до нового времени. Именно эта черта русской культуры определила успех петровских реформ и резкий поворот в XVIII в. всей русской культуры к Западной Европе. Сознание своей европейской значительности и важности всечеловеческих интересов сказалось и в творчестве отдельных писателей, в первую очередь Пушкина и Достоевского.

Чем обусловлено появление наднациональной культуры и ее части — наднациональной литературы, объединяющей страны и народы в средние века? В первую очередь отметим — единством социальных интересов высшего, феодального, класса; очень часто единством кровным (династические связи). Во вторую очередь отметим единство средневековой интеллигенции, ее своеобразный кочевой характер (переезды из страны в страну писателей и писцов, артелей строителей, мозаичистов, фрескистов, объединяющий характер больших монастырских центров — таких как Афон, например). В третью очередь — и это, пожалуй, самое важное — отметим единство вероисповедное и единство самой церковной организации.

Положение наднациональной культуры и литературы-посредницы в отдельных славянских странах

Каково же было положение этой культуры-посредницы относительно местных народных культур отдельных южных и восточных славянских стран?

Для любого феодального общества характерно резкое разделение культуры верхов феодального общества и культуры народной, при котором первая обладает наднациональными чертами. Положение этой феодальной культуры с чертами универсализма в известной мере аналогично положению в феодальном обществе их учено-религиозно-литературных языков. Средневековая латынь